

(4)

Уважаемый господин Президент,

Я отметил выраженное в Вашем письме от 30 апреля намерение делиться мыслями в нашей переписке с полной откровенностью. Таков и мой настрой. Только так мы можем донести друг до друга существо наших подходов к проблемам мировой политики и двусторонних отношений. При этом я исхожу из того, что мы с Вами будем ориентироваться в обмене мнениями на необходимость продвижения вперед по вопросам принципиального порядка, без чего нельзя рассчитывать на поворот к лучшему в советско-американских отношениях. С необходимостью такого поворота, как я понимаю, Вы тоже согласны.

Настраиваться на что-то меньшее, скажем, на то, чтобы просто удерживать напряженность в каких-то рамках и пытаться как-то перебиваться от кризиса к кризису, - это, на мой взгляд, не перспектива, достойная наших двух держав.

Мы обратили внимание на то, что Вы разделяете мнение о необходимости дать импульс процессу нормализации наших отношений. Это уже немало. Но скажу прямо: вызвали недоумение и озадаченность ряд положений Вашего письма, на которых, притом, делается особый акцент.

Я имею в виду те обобщения в отношении советской политики, которые содержатся в Вашем письме в связи с прискорбным инцидентом с американскими военнослужащими. Что касается самого инцидента, то хотелось бы надеяться, что разъяснения, сделанные нами, были правильно поняты Американской Стороной.

Теперь о проблемах широкого плана. Я также считаю, что одного лишь согласия об общих принципах недостаточно. Важно, чтобы такое согласие находило отражение и в практических действиях каждой из Сторон. Подчеркиваю, именно каждой из Сторон, поскольку из Вашего письма определенно следует, что Вы усматриваете расхождения между принципами и практикой в действиях Советского Союза.

Это очень далеко от действительности. Ни в чем не соответствует фактам утверждение, будто СССР в своей политике не желает вести дела с США на основе равенства и взаимности. Какую бы область наших взаимоотношений ни взять, при действительно объективной оценке оказывается, что именно Советский Союз последовательно выступает за равенство и взаимность, не ищет для себя преимуществ за счет законных интересов США. И как раз тогда, когда аналогичный подход проявлялся и с Американской Стороны, удавалось приходиться к существенным договоренностям.

Его Превосходительству
Рональду У. Рейгану,
Президенту Соединенных Штатов Америки
г. Вашингтон

Не случайно, что все соглашения, достигнутые по вопросам ограничения вооружений, стали возможны только потому, что Сторонами выдерживался при этом принцип равенства и одинаковой безопасности. Ни в какой момент Советская Сторона не требовала для себя большего. Но как только США отошли от этого принципа, процесс ограничения и сокращения вооружений оказался прерванным. К сожалению, это положение сохраняется и сейчас.

Если уж по крупному счету ставить вопрос о равенстве и взаимности, то ведь это Советский Союз окружен американскими военными базами, начиненными и ядерным оружием, а не США советскими базами. Попробуйте посмотреть на эту ситуацию нашими глазами, и тогда станет ясно, у кого может быть действительная, обоснованная озабоченность.

А возьмите практически любой вопрос из области наших двусторонних отношений, будь то торговля или, например, воздушное и морское сообщение. Разве фактическое положение здесь определяется тем, что Советский Союз против равенства и взаимности? Все наоборот: низкий уровень этих отношений есть прямое следствие политики Американской Стороны, несовместимой ни с ведением дел на равных, ни с взаимностью в общепринятом понимании этих понятий.

Или такой аспект вопроса о принципах и их соблюдении. В отношении третьих стран мы никому не навязываем ни своей идеологии, ни своего общественного строя. И не надо нам приписывать того, чего нет. Если без дипломатических ухищрений поставить вопрос в том плане, кто способствует международному правопорядку, а кто действует в ином направлении, то получается, что именно США оказываются на стороне группировок, выступающих против законных правительств. А прямое давление на правительства, политика которых не устраивает США? Примеров и тому, и другому достаточно на разных континентах.

Я откровенно и довольно подробно остановился на этих вопросах не ради того, чтобы идти по пути взаимных претензий, а в надежде, что это поможет Вам правильно понять наш подход к принципам и их практической реализации, оценить наше желание строить отношения с США на основе равенства и взаимности в позитивном и одинаковом восприятии этих понятий.

Я много думаю над тем, как могут сложиться дела между нашими странами. И утверждаюсь в мысли, которую высказал в своем предыдущем письме: улучшение отношений между СССР и США возможно. Объективные основания для этого есть.

Конечно, наши страны разные. Этого факта не изменить. Есть, однако, и другой факт: когда руководители обоих государств, как показывает опыт прошлого, находили в себе достаточно мудрости и реализма, чтобы преодолеть предубежденность, вызванную различием общественных систем, различием идеологий, мы успешно сотрудничали, делали немало полезного и для своих народов, и для всех других народов. Конечно, различия и разногласия оставались, но определяющим было все же наше взаимодействие. И это открывало уверенную, мирную перспективу.

Я отметил, что Вы также высказываетесь за то, чтобы каждая общественная система доказывала свои преимущества в мирном соревновании. Да, мы исходим из того, что в этом соревновании СССР и США будут отстаивать свои идеалы и моральные ценности, как каждое из наших обществ их понимает. Но ничего хорошего не получится, если идеологическая борьба будет переноситься в сферу межгосударственных отношений. Полагаю, Вы понимаете, о чем идет речь.

Главный вывод, который естественно следует из взаимного признания необходимости мирного соревнования, состоит в том, что надо отказаться от попыток подменять спор идей спором оружия. Вряд ли можно рассчитывать на серьезные сдвиги в характере наших отношений до тех пор, пока одна из сторон будет стремиться получить преимущества перед другой на путях гонки вооружений, говорить с другой "с позиции силы".

Господин Президент, по понятным причинам политическое руководство обеих наших стран обязано квалифицированно судить и о существующих, и о перспективных системах оружия. Это чрезвычайно важно, чтобы избежать просчетов, непоправимые последствия которых скажутся, если не сегодня, то через какое-то время.

В свое время была совместно определена жесткая и в то же время весьма хрупкая взаимосвязь между стратегическими ядерными вооружениями и средствами противоракетной обороны. Был сделан единственно правильный вывод - заключен бессрочный договор об ограничении систем ПРО. Только поэтому оказалось вообще возможным практически заняться проблемой ограничения и сокращения ядерных вооружений.

Попытки создания широкомасштабной системы ПРО прямо программируют радикальную дестабилизацию обстановки. Уже сам по себе фактор неопределенности будет не только препятствовать какому-то ограничению ядерных вооружений, но, напротив, будет вести к их наращиванию и совершенствованию. Поэтому, когда мы решительно ставим вопрос о недопустимости милитаризации космоса, это не пропаганда и не следствие какого-то недопонимания или боязни "технологического отставания". Это - результат тщательного анализа, нашей глубокой озабоченности за будущее отношений между нашими странами, за будущее мира.

Есть и другой аспект программы "стратегической обороны", который остается как бы в тени для широкой общественности. Но не для ответственных руководителей и военных экспертов. В Вашингтоне говорят о создании широкомасштабной системы ПРО, а фактически создается новое стратегическое наступательное оружие, размещаемое в космосе, причем такое, которое по своим возможностям является не менее опасным, чем ядерное. Какая разница, что будет использовано в первом обезоруживающем ударе - баллистические ракеты или лазеры. Если тут и есть разница, то она в том, что новыми средствами первый удар можно будет нанести практически мгновенно.

Таким образом, с какой бы стороны ни подходить, уже само начало работ по реализации указанной программы носит дестабилизирующий характер, вне зависимости даже от ее конечных результатов. И именно поэтому оно не может не послужить стимулом к дальнейшему взлету гонки вооружений.

Думаю, Вы согласитесь, что в делах, затрагивающих сердцевину национальной безопасности, ни одна из сторон не может и не станет полагаться на заверения в добрых намерениях. О любой системе оружия судят по ее боевым возможностям, а не по публичным заявлениям о ее предназначении.

Все факты однозначно указывают на то, что США становятся на путь создания ударных космических вооружений, способных решать сугубо наступательные задачи. И мы не будем это игнорировать. Обязан сказать об этом откровенно. Должен признаться, что сказанное Вами относительно подхода США к вопросу о моратории на космические и ядерные вооружения усиливает нашу озабоченность. Упорный отказ Американской Стороны остановить гонку вооружений не может не вызывать вопроса о намерениях США.

А что происходит на переговорах в Женеве? Американская Сторона пытается выдать за согласованный мандат переговоров только часть его. Из действительно согласованной формулы переговоров изымается неотъемлемый элемент – обязательство предотвратить гонку вооружений в космосе, рассматривать и решать все вопросы в их взаимосвязи. Американская Сторона пока не сделала ничего такого, что приближало бы договоренность. По вопросу о предотвращении гонки вооружений в космосе делегация США не высказала вообще ни одного соображения, подчеркиваю, ни одного. Зачем же после этого недоумевать, почему, мол, нет продвижения в вопросе сокращения ядерных вооружений?

Попутно замечу, что американские представители утверждают – эта мысль содержится и в Вашем письме, – что невозможно контролировать запрет на научные исследования. Но ведь речь-то идет о другом: о государственной программе исследовательской деятельности, прямо и конкретно сориентированной на создание ударных космических вооружений, широкомасштабной системы ПРО с элементами космического базирования. Само по себе провозглашение такой программы находится в прямом противоречии с Договором по ПРО. /Кстати, если взять полный текст "согласованного заявления" к Договору по ПРО, а не только ту его часть, которая цитируется в Вашем письме, то легко убедиться в том, что оно направлено не на ослабление, а на укрепление центрального положения Договора – об отказе сторон от создания широкомасштабных систем ПРО/.

Что касается утверждений, будто СССР занят своей "крупной исследовательской программой в области стратегической обороны", то, как говорят американцы, тут яблоки путают с апельсинами. Советский Союз не делает ничего, что противоречило бы Договору по ПРО, не создает ударных космических вооружений.

Таким образом, вопрос о контроле – это в данном случае надуманный вопрос, если четко исходить из того, что нельзя предпринимать ничего – какие названия ни придумывать этому, – что однозначно запрещается Договором по ПРО.

Господин Президент, хочу надеяться, что Вы еще раз внимательно посмотрите на проблему немилитаризации космоса, на ее взаимосвязь с решением вопроса о ядерных вооружениях и под этим углом зрения – на перспективы женевских переговоров. В этой объективной увязке и есть развязка вопросов ограничения ядерных вооружений, реальная возможность приступить к их радикальному сокращению и тем самым двинуться к ликвидации ядерного оружия как такового. Нам все равно не избежать того, что именно комплекс этих вопросов будет определяющим и для наших отношений, и для положения в мире в целом. Такое положение вытекает из особой ответственности наших двух стран.

Я уверен, что мы должны и можем быть на высоте этой ответственности. В этой связи я с удовлетворением отмечаю Ваши слова о том, что у наших двух стран есть общий, превалирующий над остальным интерес – избежать войны. Целиком с этим согласен.

Теперь о том, какие другие шаги могли бы быть предприняты, в том числе для стимулирования прогресса в Женеве. По нашему убеждению, очень важное, причем практическое значение имело бы прекращение всех испытаний ядерного оружия. Здесь многое могут сделать именно наши две страны. Конкретно мы предлагаем следующие практические меры. Ввести в действие до сих пор не ратифицированные советско-американские договоры 1974 года и 1976 года. Договориться о возобновлении трехсторонних – с участием Англии – переговоров о полном и всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия и, действуя энергично, повести дело к их быстрому и успешному завершению. Наконец, мы предлагаем, чтобы СССР и США взаимодействовали в осуществлении такого конкретного и весьма существенного шага со стороны всех ядерных государств, каким стал бы мораторий на любые ядерные взрывы. Мы за то, чтобы такой мораторий был установлен как можно скорее.

Требует своего решения проблема запрещения химического оружия, но искать его надо на реалистических путях. Должен сказать, что этому критерию не отвечают позиции, которые США занимали до сих пор по ряду важных аспектов этой проблемы. Хотелось бы, чтобы Американская Сторона внимательно отнеслась к предложениям, выдвинутым нами. Мы согласны с тем, что были бы полезны двусторонние обсуждения между нашими представителями, например, в рамках женевской Конференции по разоружению. Следует, однако, признать, что те усилия, которые предпринимаются в США по химическому перевооружению, и прежде всего в том, что касается бинарного оружия, отнюдь не являются благоприятной предпосылкой для того, чтобы химическое оружие было полностью и навсегда изъято из военных arsenалов государств.

Двойственное впечатление оставляет положение на стокгольмской Конференции. С одной стороны, вроде бы есть общее понимание о необходимости договоренности на основе оптимального сочетания крупных политических обязательств и мер укрепления доверия военно-технического порядка. С другой, западные представители, и прежде всего американские, явно не торопятся наполнить это понимание конкретным взаимоприемлемым, подчеркиваю, взаимоприемлемым содержанием. Мы за то, чтобы договоренность была существенная, действительно способствующая укреплению доверия. Таковы инструкции у наших представителей. Они готовы выслушать конструктивные соображения, которые могут быть у американской делегации. Короче, мы за то, чтобы вести дело к успешному завершению Конференции.

Хотел бы, господин Президент, привлечь Ваше внимание к переговорам о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе. Подчас мы слышим от американских представителей, что наши предложения, сделанные в феврале этого года, "вызывают интерес". Однако на самих переговорах это никак не проявляется. Думается, что достижение договоренности о первоначальных сокращениях советских и американских войск в этом районе было бы и в ваших, и в наших интересах, в интересах военной разрядки в Европе. Посмотрите, не сочтете ли Вы возможным подтолкнуть дела на этом направлении.

Одним из источников напряженности в отношениях между СССР и США является расхождение в оценках того, что происходит в мире. Думается, что Американская Сторона зачастую игнорирует глубинные причины событий и не учитывает в полной мере того, что сегодня в мировой политике действуют - и самым активным образом - множество государств, каждое со своим лицом и интересами. Все это неизмеримо усложняет общую картину. Правильное понимание этого помогло бы избежать серьезных ошибок и просчетов.

В прошлом у нас был положительный опыт взаимодействия по снижению напряженности в отдельных районах, по предотвращению опасных вспышек. Но так получалось тогда, когда проявлялась готовность учитывать законные интересы друг друга, принимать во внимание позиции всех сторон, вовлеченных в ту или иную ситуацию.

Мы позитивно расцениваем согласие Американской Стороны на обмен мнениями по некоторым региональным вопросам. Мы ожидаем, что она примет наше предложение о том, чтобы предметом таких обменов мнениями был более широкий круг региональных проблем и чтобы эти обмены были ориентированы на поиск конкретных путей урегулирования напряженных ситуаций.

В этой связи я обратил внимание на выражаемую в Вашем письме готовность работать вместе с Советским Союзом, чтобы положение вокруг Афганистана двигалось к мирному урегулированию. Хотелось бы иметь более ясное представление о том, как Американской Стороне видится это. Такую возможность дают предстоящие консультации наших экспертов.

При всем том свои суждения и в этом вопросе мы будем основывать на практических делах США. С точки зрения достижения политического урегулирования, да и не только с этой, мы не можем принять того, что говорится в Вашем письме по поводу Пакистана. Мы воспринимаем поведение этой страны не только как не соответствующее цели политического урегулирования вокруг Афганистана, но и как опасное, провокационное. Рассчитываем, что США, тесно связанные с Пакистаном, да и с учетом собственных интересов, окажут на него сдерживающее воздействие. Позитивным сигналом с Американской Стороны стало бы свертывание ее прямой поддержки антиправительственным вооруженным формированиям, вторгающимся в Афганистан из Пакистана. Другими словами, у США есть возможности на деле подтвердить заявляемую готовность к достижению политического урегулирования вокруг Афганистана на основе справедливого решения связанных с этим вопросов и снятию напряженности в целом в этом районе. Такой образ действий не остался бы без внимания с нашей стороны и определенно работал бы в пользу выправления советско-американских отношений.

Кое-какое движение вроде бы намечается в области собственно двусторонних отношений между нашими странами. Вы, очевидно, заметили, что мы поддерживаем эту тенденцию. Однако не должно быть недопонимания насчет того, что мы не намерены и не будем вести никаких переговоров по вопросам, относящимся к правам человека в Советском Союзе. Мы, как и любое другое суверенное государство, рассматривали и будем рассматривать эти вопросы в соответствии с существующим у нас законодательством и правилами. Давайте, господин Президент, из этого и исходить, чтобы дополнительно не отягощать наши отношения. В основе развития наших связей могут лежать лишь обоюдная заинтересованность, равенство и взаимная выгода, уважение прав и законных интересов друг друга.

То, что кое в чем начинает восстанавливаться и наполняться содержанием, хотя, прямо скажем, не очень интенсивно, некогда разветвленная структура советско-американских отношений, - это хорошо. В частности, мы считаем полезными состоявшиеся недавно в Москве переговоры между нашими министрами торговли. Намерены мы искать взаимоприемлемые решения и в других областях, которые являются предметом обсуждения между нами, и расширить круг этих областей.

Отрадно, что в последнее время оживились контакты, в том числе по линии парламентов двух стран. Как я уже говорил представителям американского конгресса, мы живем в такое время, когда люди, формирующие политику СССР и США, обязательно должны встречаться, общаться друг с другом. Если говорить в широком плане, мы за то, чтобы энергично строить мост к взаимопониманию и сотрудничеству, развивать доверие.

В заключение хочу подтвердить мое положительное отношение к личной встрече с Вами. Понимаю, что и Ваш настрой такой же. Наше мнение по этому вопросу было изложено А.А.Громько господину Шульцу во время их пребывания недавно в Вене. Что касается места ее проведения, то я понимаю, что есть мотивы, по которым Вы предпочитаете, чтобы встреча состоялась в США. Но у меня есть не менее весомые мотивы, в силу которых при нынешнем состоянии советско-американских отношений этот вариант нереален.

Речь идет о важных делах международных, и нам с Вами следовало бы использовать время для поиска возможных договоренностей, которые могли бы быть приурочены к встрече. Мы со своей стороны целиком за то, чтобы так и было.

С уважением

М. ГОРБАЧЕВ

10 июня 1985 года